УДК 32

Фомин А.Н.[1]

СОЗДАНИЕ УСЛОВИЙ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ С ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье отмечается противоречивый характер развития гражданского общества в современной России, обусловленный наличием, с одной стороны, внушительной законодательной базой, позволяющей гражданам и общественным объединениям участвовать в общественно-политической жизни. С другой стороны, данные социологических опросов свидетельствуют о том, что нормативные акты не востребованы основной массой населения. В статье, с позиций политологического подхода, предпринята попытка выявления причин, детерминирующих сохранение существующей практики. Также предложены рекомендации, способствующие налаживанию более эффективного взаимодействия общества и власти.

Ключевые слова: гражданское общество, общественный контроль, общественная палата, местное сообщество.

Fomin A.

CREATING CONDITIONS FOR IMPROVING FORMS OF INTERACTION OF CITIZENS AND PUBLIC ASSOCIATIONS WITH PUBLIC AUTHORITIES

Abstract. Paper deals with the contradictory nature of civil society development in modern Russia caused by existence of the impressive legislative base allowing citizens and public associations to participate in social and political life on the one hand. On the other hand, data of sociological polls demonstrate that regulations are not demanded by population bulk. The author tries to make an attempt of identification of the reasons determining preservation of the existing practice from the positions of politological approach as well as gives some recommendations promoting establishing more effective interaction of society and power.

Keywords: civil society, public control, public chamber, local community.

Гражданское общество является важным демократическим институтом, ориентированным на повышение качества государственного управления и создание доверия между обществом и властью. Различные аспекты развития гражданского общества исследуются в работах Н.С. Будниковой [1], М.М. Курячей [2], Л.И. Никовской [3], В.В. Скоробогатова [4] и многих других ученых.

Становление и деятельность институтов гражданского общества в современной России характеризуется противоречивыми тенденциями, особенно в части осуществления общественного контроля за деятельностью органов и должностных лиц государственной и муниципальной власти, а также в части реального участия населения в общественном самоуправлении, обсуждения, решения гражданами общественно значимых проблем и вопросов. Практика строительства отечественного гражданского общества зачастую игнорирует закономерности развития организации жизнедеятельности людей. С одной стороны, в Российской Федерации создана внушительная законода-

[1] *Фомин Александр Николаевич*, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и политологии, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, Волгоград, e-mail: fomin76@mail.ru, т. 8-8442-735-075

Alexander Fomin, Ph.D. in Politics, Associate Professor, Department of Public Administration and Political Science, Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPA, Volgograd, e-mail: fomin76@mail.ru, tel.: 8-8442-735-075

тельная база, позволяющая гражданам и общественным объединениям в различных формах участвовать в общественно-политической жизни. Это право граждан и необходимость его расширения признается и приветствуется представителями различных политических партий, должностными лицами местной и государственной власти, включая высшее политическое руководство страны. С другой стороны, на вопрос социологов – «Лично Вам приходилось за последний год участвовать в общественной жизни?», большинство ответили, что участвовали в субботниках (36%); в сборе средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение (21%) и некоторых других подобных мероприятиях [5]. Но в интересующем нас сегменте гражданского общества, обусловленного темой статьи, всего 4% опрошенных ответили, что участвовали в работе общественных организаций/НКО; всего 6% участвовали в общественных слушаниях/обсуждениях; и 7% в работе домкомов, территориальном общественном самоуправлении (ТОС) [там же]. То есть количество участвующих в этих важнейших формах общественной активности составляет, немногим более статистической погрешности, что представляется крайне недостаточным и неудовлетворительным показателем. Для чего тогда нужна глава 5 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», включающая 11 статей, подробно регламентирующих участие населения в осуществлении местного самоуправления, в том числе и публичные слушания, и территориальное общественное самоуправление? Для чего предусмотрена возможность создания домкомов и советов многоквартирных домов в рамках Жилищного кодекса РФ? Тот же самый вопрос можно задать применительно к Федеральному закону № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ». Для чего принимались все эти и другие подобные нормативные акты, если они не востребованы гражданами? В одной ли социальной пассивности населения дело?

Существующая практика, подтвержденная результатами социологических опросов, указывает на отсутствие реальных механизмов, обеспечивающих вовлечение населения в обсуждение и решение, совместно с органами власти, вопросов, влияющих на качество их жизни. Поэтому, исходящие политические инициативы в сфере развития гражданского общества, следует подвергать тщательному мониторингу и анализу. Например, одной из целей национального проекта «Жилье и городская среда» значится создание механизма прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды. А целевой показатель включает в себя увеличение доли граждан, принявших участие в решении вопросов развития городской среды с 5% в начале 2018 года до 30% к концу 2024 года [6]. Не вызывает сомнений, что заявленные показатели будут достигнуты (т.е. отражены в отчетных документах) в указанные сроки, но из паспорта нацпроекта не понятно, какие же конкретно механизмы «прямого участия граждан» предполагается сформировать, чтобы привлечь население к обсуждению планов по благоустройству своих территорий? А ведь именно в выявлении и внедрении этих механизмов кроется фундаментальное решение, обеспечивающее независимость, самостоятельность и эффективность деятельности общественных объединений в сфере их взаимодействия с органами власти.

Подробная и всесторонняя характеристика и оценка деятельности институтов гражданского общества в России содержится в ежегодных Докладах Общественной палаты РФ (далее Доклад). Основываясь на положениях данных Докладов, используя политологический подход, представим предложения по совершенствованию форм взаимодействия граждан и их объединений с органами государственной и муниципальной власти, включая обоснование действенного механизма, посредством которого можно вовлекать население в общественное самоуправление.

В Докладах Общественной палаты РФ справедливо отмечается значительный вклад гражданских институтов в сфере защиты прав и интересов населения, а также поступательное развитие общественного движения в РФ, в целом, за последние годы. Однако еще в самом первом Докладе было сказано о том, что

«далеко не все государственные и муниципальные органы заинтересованно работают с общественными структурами» [7, с. 18]. При этом практически в каждом Докладе подчеркивается, что в данный момент инициируются поправки в законодательство, разрабатываются соответствующие меры, которые, теперь наверняка, покончат с этой проблемой и бюрократия больше не сможет препятствовать развитию гражданского общества. Но уже в следующем Докладе подобные заявления повторяются снова. Имеющаяся тенденция демонстрирует системную проблему, которую невозможно решить законодательным регулированием, без учета закономерностей политической организации жизнедеятельности социума.

Основными площадками для диалога общества и власти, в настоящее время, выступают институты федеральной, региональных и муниципальных Общественных палат, а также общественных советов при исполнительных органах государственной и муниципальной власти. Составители последнего Доклада за 2018 год (также, как и разработчики первого Доклада за 2006 год) признают наличие в регионах, «карманных» институтов-посредников, которые не в состоянии обеспечить равноценного диалога, т.к. полностью зависимы от местных властей [8, с. 39]. Причины подобной ситуации, авторы Докладов, связывают с личностными качествами руководителей, их желанием или нежеланием взаимодействовать со структурами гражданского общества – «В тех регионах, где губернатор хочет слышать голос общественности, общественные палаты играют заметную роль в представлении и отстаивании позиций различных групп населения» – резюмируется в Докладе за 2017 год [9, с. 14].

Как уже было сказано выше, существуют объективные закономерности организации политической жизни. Суть их заключается в том, что какие не были бы личностные качества у субъектов власти, их политический интерес будет доминирующим над всем остальным. Политическая практика, независимо от исторического периода, неизменно подтверждает это правило, а со времен Николло Макиавелли начинается теоретическое обоснование этого феномена. Соответственно, любая общественная структура приемлема, для условного министра, губернатора или мэра, лишь в тех пределах, в которых ее деятельность совпадает с их интересами и только до тех пор, пока она не угрожает их политическому положению. В ином случае, государственные и муниципальные руководители, располагая значительными ресурсами (в первую очередь экономическими и административными) либо добьются ликвидации неугодного общественного объединения, либо кооптируют туда лояльных к ним членов. Это не означает, что нужно бросить любые попытки создания гражданского контроля на уровне государственных и муниципальных администраций, тем более, что практика демонстрирует немало положительных примеров деятельности общественных палат и советов, но там, где довлеет политический интерес, полноценный общественный контроль невозможен. Если это и случается, то только на непродолжительное время, пока политические акторы не мобилизуют свои ресурсы на нейтрализацию данного контроля. Соответственно, выход из сложившейся ситуации видится в определении такого организационно-территориального уровня, такого жизненного пространства, в пределах которого отсутствует ярко выраженный политический интерес субъектов власти, а политические отношения и взаимосвязи не являются определяющими в жизнедеятельности общества. Именно в координатах этого пространства существуют объективные предпосылки для гражданского участия, общественного самоуправления и вовлечения в него населения.

Не вызывает сомнений наличие политических отношений и их приоритетность в системе социальных взаимосвязей в пределах территории всего российского государства. Очевидна данная тенденция и на уровне субъектов РФ, тогда как политическая атрибутивность муниципальных образований не имеет такой же однозначности.

Нельзя отрицать, что институты власти местного самоуправления, являясь одним из элементов публичной власти, встроены в российскую политическую систему, поэтому

они были и остаются одними из субъектов политических отношений. Однако многие исследователи управленческих и политических процессов упускают одну важную деталь – муниципалитетами в России являются и небольшие поселения, и крупные мегаполисы. Следовательно, вклад каждого муниципального образования в экономику страны и региона далеко не одинаковый, и результаты общественного труда, подлежащие перераспределению посредством политического воздействия, а также получаемая выгода от этого распределения, могут иметь совершенно разные показатели. Данное обстоятельство в определяющей мере влияет на наличие политической составляющей. В поселении, где нет ни одной значимой производственной единицы, степень политизации будет стремиться к нулю. И, наоборот, наличие в муниципалитете эффективных производств или, по крайней мере, одного градообразующего предприятия, является основанием для возникновения и развития политических отношений, включая и политическую борьбу за контроль над этими производственными активами.

Качественно различные, с точки зрения экономического потенциала, муниципальные образования будут иметь и различное состояние политических взаимосвязей. Практика становления местного самоуправления в современной России показывает, что такие виды муниципалитетов, как городские округа и муниципальные районы, во многом подобны государственным образованиям. Их подобие – это не прихоть или политическая ошибка, а закономерность, связанная с доминированием вопросов государственного значения в этих социальных системах. Главы и представительные органы этих муниципальных образований обладают политической атрибутивностью и в своей качественной определенности тождественны государственным структурам, так как, несмотря на формально-правовое исключение из системы государственного управления (статья 12 Конституции РФ), они активно участвуют в решении государственных дел.

В небольших муниципалитетах, также как и на локализованных территориях городских округов (микрорайонов, жилых комплексов и т.п.), нет оснований для доминанты политических взаимосвязей. Имеющиеся в них производственные и финансово-экономические активы, а также результат общественного труда, подлежащий распределению минимальны, они видны «невооруженным» глазом каждому жителю местного сообщества. Следовательно, их отчуждение каким-либо субъектом и последующее перераспределение, не может пройти не замеченным. Данные факторы являются теми самыми объективными причинами, делающими этот уровень территориальной организации жизни людей малопривлекательным для политических акторов, соответственно, там нет оснований для политизации общественной жизни и использования манипулятивных политтехнологий в целях извлечения политической выгоды.

Отсюда исходит востребованность специальных технологий и организационных моделей, направленных на вовлечение жителей в процессы принятия решений по общественно значимым вопросам, но только в пределах небольших сообществ. Для этого необходимо определить один из важнейших показателей – оптимальное количество граждан, составляющих местное (соседское) сообщество, в котором востребовано общественное самоуправление. Убедительным выглядит определение оптимального количества жителей, среди которых возможны отношения соседского взаимодействия, сделанное В.Л. Глазычевым. Признавая, что в каждом муниципальном образовании эта величина может зависеть от многих факторов, связанных с индивидуальностью поселения, он определяет оптимальное количество жителей в диапазоне «от примерно 1 тыс. человек в случае компактного, ясно очерченного района малоэтажной застройки до примерно 10 тыс. человек в стандартных микрорайонах, застроенных многоэтажными жилыми домами» [10]. Надо заметить, что эта мысль имеет давнюю историю, уходящую своими корнями в античную Грецию. Ещё Платон в диалоге «Законы» обосновывал оптимальное территориальное пространство полиса, состоящего из 5040 граждан [11]. В наши дни российский Патриарх Московский и всея Руси Кирилл поставил задачу перед Русской

Православной Церковью о строительстве православного храма на каждые 10 тысяч человек [12]. Глава совета муфтиев России Равиль Гайнутдин также призывает возводить больше мечетей, особенно в крупных городах, в которых «ситуация с мечетями тяжелая» [13]. Он отмечает, что «в мечетях происходит не только духовное наставление, но и воспитание паствы, формирование ее мировоззрения и жизненных ориентиров» [Там же]. В воззваниях духовных лидеров идет речь о необходимости возведения религиозных сооружений из расчета примерно 5–7 тысячах верующих из числа взрослого населения, и это не случайно. Именно такое количество людей является оптимальным для установления взаимосвязи, личных контактов между организатором жизни и членами сообщества. Только в таких условиях возможна агрегация интересов, реализация воли индивидов и в современных местных сообществах при решении общественных вопросов.

В связи с этим необходимо предусмотреть особые условия, характерные для организации общественного участия и формирования гражданского общества в поселениях с населением свыше 10–20 тыс. человек. В первую очередь это касается городов. Эти условия заключаются в определении в таких городах локальных территориальных уровней, в пределах которых возможно становление местных сообществ и осуществление общественного самоуправления. В качестве базовой территориальной единицы, подходящей для этой цели предлагается использовать микрорайон, являющийся составной частью более широкого понятия – внутригородская территория, которая «представляет собой внутренне целостные сегменты города с примерно равным числом жителей в возрасте 18 лет и старше – приблизительно 10 тысяч» [14, с. 64].

После определения базовой территориальной единицы, в пределах которой возможно становление местных сообществ и осуществление общественного самоуправления, необходимо рассмотреть еще один фактор, влияющий на развитие гражданского участия. Суть его заключается в том, что для осуществления управленческой деятельности в рамках политических взаимосвязей предусмотрены организаторы этой деятельности в лице государственных и муниципальных управленцев, а также механизмы, обеспечивающие реализацию их функций, прежде всего, это административные, финансовые ресурсы. Следовательно, в координатах неполитических взаимосвязей также должна быть предусмотрена функция организатора неполитических форм общественной активности. Однако, действующая российская практика демонстрирует отсутствие таких специалистов. Видимо их стремятся «заменить» декларационным правом граждан на самостоятельное осуществление общественного самоуправления в формах непосредственной демократии. О том, что почти все эти формы требуют наличия организационных, материальных и других ресурсов, а также соблюдения довольно сложных процедур и формальностей, как правило, умалчивается.

Для того чтобы вовлечь наших сограждан в обсуждение общественно значимых вопросов и в процесс принятия решений по этим вопросам, явно недостаточно заниматься одним лишь декларированием их потенциальных возможностей по участию в этих процессах. Не получится, чтобы жители вдруг одновременно захотели организовать собрание, разработать программу совместных действий. Как отмечает по этому поводу Е.С. Шомина, современному человеку «невозможно браться за все» [15, с. 49], подразумевая о том, что у большинства людей на первом месте стоит либо семья, либо работа, либо хобби, досуг и т.п. Видимо для участия российских граждан в общественном самоуправлении, для придания этому процессу системного характера, необходимы дополнительные инструменты, главный из которых заключается в внедрении в практику общественной деятельности и непосредственной демократии организаторской функции по инициированию и координации действий населения при решении общественных проблем. Важно осознать, что население не может организовать свою коллективную жизнедеятельность самостоятельно, так как это сложнейший социальный процесс, где требуется специалист. Данный вывод разделя-

ют и эксперты ВСМС, связывающие развитие гражданской активности в муниципальных образованиях с деятельностью «лидеров и организаторов, на общественных началах или на профессиональной основе осуществляющих организацию населения» [16]. Они должны быть всегда рядом с жителями, досконально знать их проблемы и привлекать заинтересованных граждан к решению любых вопросов, касающихся местного сообщества. Необходимо добавить, что политическая составляющая их деятельности должна свестись к минимуму. На первом месте для этих специалистов должны стоять конкретные вопросы, влияющие на качество местной жизни, а не политические амбиции представителей муниципальных или региональных элит. В противном случае, специалисты-организаторы не смогут стать лидерами общественного мнения и не добьются мобилизации населения. Их ждет участь «приводных ремней» в механизме политического управления или исполнителей воли политических акторов, что, собственно, и происходит со многими современными председателями органов ТОС и другими общественными лидерами.

Можно выделить еще один фактор, подтверждающий необходимость разграничения муниципальных образований на локальные территории, в пределах которых создается институт специалистов-организаторов по вовлечению населения в решение общественных вопросов. На современном этапе развития гражданского общества в России отчетливо прослеживается его отраслевой характер. Действуют общественные объединения занимающиеся благотворительностью, патриотическим воспитанием детей и молодежи, пропагандой здорового образа жизни, ориентированные на помощь тяжело больным или пожилым людям. Также существуют правозащитные, экологические, ветеранские и многие другие объединения в зависимости от характера их деятельности. Но социальные интересы носят не отраслевой, не ведомственный, а комплексный характер. Для каждого жителя одинаково важным является получение всего комплекса услуг и ЖКХ, и здравоохранения, и образования, общественного транспорта и т.д. То есть речь идет о сочетании отраслевого принципа организации жизнедеятельности с территориальным. Это сочетание особенно заметно на примере деятельности должностных лиц в таких отраслевых сферах, как здравоохранение и обеспечение правопорядка. В первом случае, вершина иерархической пирамиды в системе здравоохранения замыкается на министре здравоохранения – высшем должностном лице соответствующей отрасли. Низовое звено этой системы замыкается на участковом враче, работа которого организована уже не только по отраслевому, но и по территориальному принципу. То же самое происходит и в системе обеспечения правопорядка. Высшее должностное лицо в соответствующей отрасли – министр МВД, а низовое звено замыкается на участковом уполномоченном полиции, который действует также и по территориальному принципу. Вершина системы государственного и муниципального управления, в ее целостности, замыкается на Президенте РФ, а низовое звено доходит до глав местных администраций. По такой же аналогии рассмотрим структуру российского гражданского общества. Вершиной этой структуры выступает, безусловно, Общественная палата РФ, а вот где проходит низовое звено, на котором происходит сочетание территориального и отраслевых принципов? Муниципальные палаты, также, как и представительные органы, особенно в крупных муниципалитетах, как уже приводилось выше, не смогут «дойти» и «достучаться» до каждого жителя. Поэтому, предлагаемый институт специалистов-организаторов по работе с населением в границах местных сообществ, является тем самым недостающим звеном, на котором будет замыкаться территориальный и отраслевой принципы организации гражданского общества, наподобие участкового врача в системе здравоохранения или участкового уполномоченного в сфере охраны правопорядка. Проблема заключается в том, что мысль и ее практическое воплощение, о формировании локальных территориальных уровней, в пределах которых можно системно и на профессиональной основе осуществлять организацию общественного обсуждения и контроля,

пока не получила широкого распространения в России. Этот уровень не предусмотрен ни в Уставах российских муниципалитетов, ни в законах (федеральном и региональных) об Общественных палатах, ни где-либо еще в законодательстве.

Таким образом, на данный момент в сфере взаимодействия общества и власти сложилась ситуация, при которой создание общественных объединений охотно инициируются дальновидными политическими субъектами федерального, регионального и муниципального уровней. Однако, на этих крупных организационно-территориальных уровнях, у структур гражданского общества нет возможности осуществления полноценного и независимого общественного контроля за властью. А там, где эта возможность объективно существует, т.е. на локальных территориях, образующих местное сообщество – не заложено реальных механизмов организационного и материального характера, обеспечивающих осуществление общественного самоуправления.

Для повышения эффективности деятельности институтов гражданского общества необходимо определить организационно-территориальный уровень, или жизненное пространство, в пределах которого отсутствует ярко выраженный политический интерес субъектов власти, а политические отношения и взаимосвязи не являются определяющими в жизнедеятельности общества. Таким жизненным пространством являются территории небольших городских и сельских поселений, а также локализованные территории городских округов (микрорайонов, жилых комплексов и т.п.), население которых образует социокультурный феномен «местное (соседское) сообщество» с численностью жителей не более 10 тыс. человек. Преимущество таких сообществ заключается в приоритетности межличностных взаимосвязей, обусловленных социально-культурными, а не политическими детерминантами, т.к. ресурсный потенциал данных локальных территорий не представляет большого интереса для политических субъектов. Целостность этих взаимосвязей составляют неполитические формы организации жизни, которые заключаются в отсутствии иерархических отношений между населением и низовыми представителями органов местного самоуправления. Но и на этом уровне вовлечение населения в обсуждение и решение общественных вопросов не произойдет само по себе. Для этого необходим специалист-профессионал по организации населения, обеспечивающий агрегацию их интересов и выражение их воли в органах власти, относительно общественно значимых вопросов, касающихся жизнедеятельности местного сообщества, но при условии, что интерес граждан, не подменен интересом политических субъектов.

Специалист-организатор населения, в перспективе должен быть выборным должностным лицом, но на переходный период может быть и назначенным. Он может быть депутатом представительного органа (например, внутригородского муниципального образования на части территории городского округа с внутригородским делением, введенного Федеральным законом № 136-ФЗ [17]) или являться членом выборного органа местного самоуправления, либо быть выборным должностным лицом местного самоуправления в рамках Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [18, Статья 40]. Этот специалист должен пройти соответствующее обучение, получать за свой труд денежное вознаграждение и нести персональную ответственность за выполнение своих обязанностей. Для решения этой задачи можно адаптировать имеющийся опыт деятельности председателей советов ТОС [18, Статья 27] и сельских старост [18, Статья 27.1], а также общественных инспекторов и экспертов, предусмотренных Федеральным законом «Об основах общественного контроля в РФ» [19], Постановлением Правительства РФ «О порядке осуществления общественного жилищного контроля» [20].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1) Будникова Н.С. Взаимодействие органов государственной власти с гражданским обществом // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 6. С. 54–57.

2) Курячая М.М. Конституционно-правовые предпосылки институционализации гражданской активности // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 2. С. 8–11.
3) Никовская Л.И. Роль гражданского общества в формировании гражданской идентичности и консолидации российского общества: политико-управленческий аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 3. С. 62–67.
4) Скоробогатов В.В. Институты гражданского общества: основные теоретические подходы к исследованию в контексте взаимодействия гражданского общества и государства // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 15. С. 44–50.
5) Добровольчество и волонтёрство: как мы помогаем друг другу? ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3796 от 22 октября 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9380 (дата обращения: 10.04.2019).
6) Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда». [Электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/media/files/i3AT3wjDNyEgFywnDrcrnK7Az55RyRuk.pdf (дата обращения: 11.04.2019).
7) Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2006 год [Электронный ресурс]. М.: Общественная палата РФ, 2007. 68 с. URL: https://www.oprf.ru/files/files/doklad.pdf (дата обращения: 12.04.2019).
8) Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2018 год [Электронный ресурс]. М.: Общественная палата РФ, 2018. 190 с. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/Doklad_OPRF_2018.pdf (дата обращения: 12.04.2019).
9) Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год [Электронный ресурс]. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2017. 100 с. URL: https://oprf.ru/files/1_2018dok/doklad_OPRF_2017.pdf (дата обращения: 12.04.2019).
10) Глазычев В.Л. Избранные лекции по муниципальной политике. Лекция 1. [Электронный ресурс]. URL: htpp://glazychev.ru/courses/mp/mp.htm. (дата обращения: 26.02.2014).
11) Платон. Законы. Книга 5 [Электронный ресурс]. М.: «Мысль» 1999. URL: http://psylib.org.ua/books/plato01/30zak05.htm (дата обращения: 14.06.2017).
12) Обеспечить потребность православных верующих свободно и без очередей прийти в Храм [Электронный ресурс]. URL: http://antonpaleev.ru/publikacii-i-vystupleniya/124 (дата обращения: 06.03.2016).
13) Главный муфтий РФ призвал возводить больше мечетей в России [Электронный ресурс]. URL: https://www.newsru.com/religy/20mar2013/islam.html (дата обращения: 06.04.2019).
14) Боженов С. Роль общественного самоуправления в стратегическом развитии территории // Муниципальная власть. 2009. № 3. С. 61–65.
15) Шомина Е.С. Самоорганизация граждан на локальном уровне. Проблемы ТОСов и ТСЖ // Гражданский диалог. 2008. № 2. С. 41–50.
16) Гражданская активность (инициатива) и общественный контроль на местном уровне / Доклад ВСМС. [Электронный ресурс]. URL: http://vsmsinfo.ru/proekty-i-programmy/ (дата обращения: 19.01.2014).
17) Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».
18) Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».
19) Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».
20) Постановление Правительства РФ от 26.12.2016 № 1491 «О порядке осуществления общественного жилищного контроля».